

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45

Трепавлов Вадим Винцерович*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений.

Западная Сибирь на рубеже эпох: от ордынского прошлого к российскому будущему

26 октября 1582 г. на Чувашском (Чувашевском) мысу, под стенами своей столицы — города Искера — сибирский хан Кучум потерпел сокрушительное поражение от казачьего отряда Ермака. С тех пор он в основном обретался в южных районах своего бывшего ханства и вёл походный образ жизни, присущий многим его подданным — степным скотоводам. Утратив власть, сибирский хан и его потомство в терминологии того времени превратились в *казаков*. Этим тюркским словом на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями¹. В русских источниках XVII в. к Кучумовичам применяли меткое обозначение "бродячие царевичи". Оно точно передаёт как социальное положение и образ жизни высокородных изгнанников, так и изначальное значение понятия "казак".

Движение Кучума и Кучумовичей являет собой уникальный случай в геополитическом развитии России на фоне других татарских государств, вошедших в её состав в XVI–XVIII вв. Казанское и Астраханское ханства были завоёваны, можно сказать, молниеносно². Сравнительно долгая на этом фоне военно-дипломатическая эпопея с присоединением к Российской империи Крымского юрта в последней четверти XVIII в. завершилась бескровным подчинением ханства и эмиграцией его последних правителей — Гиреев.

В Сибири же правящая династия сохранилась и несколько поколений её представителей вели борьбу с властями и вооружёнными силами Московского государства. И пусть практически с самого начала была очевидна нереальность реваншистских замыслов, но Кучум и его наследники

* trepavlov@yandex.ru

¹ Позднее понятие "казак" приобрело и другие значения, в том числе в русском языке. Чтобы отличить изгоев-татар от русских казаков — как вольных, так и состоявших на государственной службе, — я буду первых брать в кавычки. Таким образом, Ермак и его соратники — это казаки, а Кучум и Кучумовичи — "казаки".

² Хотя жители бывшего Казанского ханства неоднократно поднимали восстания, но их возглавляли выходцы из нединастических кругов и зачастую не татар — это три так называемые Черемисские войны 1550–1580-х гг.

не пожелали молча и безропотно отдавать "неверным" пришельцам свой юрт. В своё время Иван IV превратился в "царя Казанского" при жизни последнего хана Казани Ядыгар-Мухаммеда. Но тот проиграл Москве войну, попал в плен, находился в государевой свите, был обращён в христианство и, хотя продолжал титуловаться царём, своим смирением как бы оправдывал переход своего ханства под власть победителя. Последний астраханский хан Дервиш-Али при приближении русского войска, бросив свой город, "побежал в Азов, а оттоле к Меки (Мекке. — Прим. авт.)"³. В случае же с непокорным Кучумом российским правителям пришлось дожидаться его смерти (около 1601 г.), дабы официально заявить о своём праве на его юрт и включить формулу "царь Сибирский" в титул московского государя.

То, что в русском языке называется ханством, в татарском обычно обозначается словом *юрт*. В собственном смысле юрта, т.е. фиксированной, закреплённой территории проживания и кочевания, у изгнанного хана и его отпрысков после 1582 г. не было⁴. Они часто перемещались с места на место в зависимости от военной и политической ситуации, возможности прокормления, степени поддержки со стороны калмыков и "подданных", число которых тоже постоянно менялось. Однако официально Сибирское "царство" после свержения Кучума продолжало существовать, просто его правителем теперь считался московский царь. (Таким же статусом обладали и другие завоёванные татарские юрты — Казанское и Астраханское "царства".) С конца XVI в. и на протяжении XVII в. определённо просматривается некоторая условная автономия трёх восточных "царств" в составе России. Эти территориальные образования дожили до петровских областных реформ начала XVIII в., когда уступили место губернскому и провинциальному делению.

Царь Борис Годунов извещал сибирских управленцев о своей коронации в 1598 г. как о принятии власти "на великом государстве Владимирском, и Московском, и Наугороцком, и на царстве Казанском и на Астороханском, и на всех государствах Российскаго царства"⁵. Как видим, Сибирского царства здесь ещё нет, хотя оно, возможно, "скрыто" в финальной формуле "всех государств". Затем статус Сибири стал наглядно меняться: она стала "царством" и переместилась из конца титула в почётную начальную часть. Впервые это отмечено в статейном списке посольства А. И. Власьева 1599–1600 гг. в Священную Римскую империю. Кстати, то же посольство разместило во владениях императора Рудольфа II заказ на новый царский венец — шапку Сибирскую, которая была доставлена в Москву в 1604 г.⁶ Впрочем, титульная новация приживалась постепенно. В марте 1601 г. Годунов писал польскому королю

³ Книга, глаголемая Летописец Фёдора Никитича Норматского // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. С. 106.

⁴ Участь Сибирского юрта после прихода Ермака в татарской исторической традиции характеризуется глаголом *бозылды* ("был разрушен, уничтожен"). См.: *Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А., Белич И.В.* Культ святых в исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 138.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 214. Кн. 11. Л. 50 об.

⁶ См.: *Лаврентьев А.В.* Царевич—царь—цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 15, 185, 187.

Сигизмунду III с прежней интитуляцией "всее Сибирские земли и Северные страны повелитель"; из царств там поименованы снова только Казанское и Астраханское⁷. Но в мае 1604 г. в Грузию и в сентябре того же года в Речь Посполитую повезли послания от Бориса Фёдоровича вновь как от "царя Казаньского, царя Азстараханьского, царя Сибирского"⁸.

Примечательно, что татарский хронист Кадыр Али-бек в своём сочинении 1602 г. называет "падишаха Бориса Фёдоровича-хана" обладателем престола Казани, престола Хаджи-Тархана (Астрахани) и престола Туры (*тахт-и Тура*), т.е. Сибирского юрта⁹. То есть русский государь предстаёт как правитель трёх татарских "царств" — именно в той их последовательности, которая утвердилась в титуле.

Полагаю, что причиной радикального изменения в титулатуре послужило известие о смерти "царя" Кучума (приблизительно в 1601 г.), после чего его ханство лишилось легитимного татарского монарха. Сходное суждение высказал ещё Н. М. Карамзин: "Истребление Кучюма... как бы запечатлело для нас господство над полунощною Азиею"¹⁰. В исторической памяти татар последним сибирским ханом остался Кучумов сын Али. Однако в синхронной узбекской (хивинской) традиции — в унисон русской трактовке — ханская власть в Сибирском юрте закончилась всё-таки на Кучуме. Это следует из утверждения хивинского хана и историка XVII в. Абу-л-Гази о том, что на этом хане пресеклась сибирская ветвь династии Шибана, внука Чингис-хана¹¹. Данный хронист наверняка знал о борьбе Кучумовичей, но уже не видел в них полноценных, законных династов. Видимо, того же взгляда придерживались и русские современники событий начала XVII в.

С окончанием Смутного времени Сибирское царство прочно вошло в царский титул. Михаил Фёдорович в 1613 г. извещал, в частности, персидского шаха Аббаса I о своём воцарении "на великих государствах на Владимирском, и на Московском, и Новгородском, и на царствах Казанском и Астраханском, и на Сибирском, и на всех преславных государствах Российского царствия"¹². Триада татарских царств обрела, наконец, устойчивую форму в большом царском титуле, просуществовавшем до петровской эпохи: "Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, царь Астороханский, царь Сибирский, государь Псковский..." и т.д.¹³

⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Документы по сношениям Московского государства с Польско-Литовским за 1598–1613 гг., хранящиеся в Посольском приказе / Под ред. Г.Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1912. С. 72–73.

⁸ Там же. С. 174; РГАДА. Ф. 110. Оп. 1, 1604 г. Д. 1. Л. 120. Аналогичную структуру большого царского титула применял и сменивший Годунова Лжедмитрий I. См.: Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 14.

⁹ См.: Сборник летописей. Казань: Тип. губ. правления, 1854. С. 3. Тура (также Туран) — нередкое обозначение Сибирского ханства в тюркской исторической традиции XVI–XVIII вв.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского Т. XI. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. С. 26.

¹¹ См.: *Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tatares.* Т. 1. Texte. St.-Petersbourg: Academie Impériale des sciences, 1871. P. 177.

¹² Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2. СПб.: Скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. С. 257.

¹³ Там же. С. 361.

Условия жизни Кучумовичей в "казачестве" несколько язвительно, но в общем верно обрисовал немецкий аноним в 1666 г.: "Не имея ни городов, ни жилища, укрывается он (не названный по имени татарский царевич. — *Прим. авт.*) в степи или пустыне, в которой нет ни деревьев, ни людей, а также в горах и ущельях"¹⁴. Татарские царевичи жили и кочевали главным образом в верховьях рек Ишим и Тобол.

Из массы официальных русских источников XVII в. может сложиться впечатление, будто всё своё время потомки Кучума проводили в набегах и военная добыча составляла главный источник их существования. На самом деле нападения на русские, татарские и башкирские поселения были хотя и относительно частыми, но не регулярными и даже не ежегодными. На конные рейды Кучумовичи решались, как правило, в ситуации, когда складывалась благоприятная обстановка и имелась уверенность в богатых трофеях и успешном возвращении домой. К таким условиям относились: во-первых, внешняя поддержка и солидарность их союзников и единомышленников — калмыцких тайшей или мятежников на российской территории; во-вторых, возможность изъять у сельских жителей продовольствие, отчего татары-"казаки" седлали коней после сбора урожая и окончания полевых работ в волостях; в-третьих, внезапность нападения и возможность отхода в степь до того, как воеводы и стрелецкие головы смогут организовать погоню. Если становилось известно, что противная сторона изготавилась к обороне, рейд отменялся. Нападавшие могли притвориться свитой посла, направлявшегося для переговоров, чтобы проникнуть глубже на территорию уездов ("а приходили... они обманом, сказався от послов")¹⁵.

Постоянное напряжение на юго-восточной границе Московского государства, создаваемое Кучумовичами и их покровителями — калмыками, приводило к тщательной фиксации в официальных документах сроков и маршрутов набегов царевичей, вестей об их воинственных планах, численности воинов и подданных, местонахождении кочевых ставок. Поэтому история "казачества" Кучумовичей предстаёт из источников такого рода как сплошная череда военных авантюр и альянсов с агрессивными кочевниками и разного рода "изменниками". При этом, как ни странно, о тактике военных действий со стороны татаро-калмыцких ратей сообщается довольно мало. Тот же безымянный немец пишет о некоем царевиче, будто тот после атаки на сибирские местности скрывается в степи, которая "не имеет ни дорог, ни тропинок, поэтому нельзя узнать, куда он отправляется; если же наконец нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнём степь позади себя, и так безопасно уходит"¹⁶. В других источниках мне не встречались упоминания об умышленном поджоге степи сибирскими татарами.

Вокруг своих стоянок Кучумовичи выставляли караулы, которые предупреждали ближних и дальних царевичей о приближении противника, а заодно и прочих посторонних, подозрительных лиц¹⁷. В местах

¹⁴ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. С. 347.

¹⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. III. С. 351.

¹⁶ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 347.

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 501.

зимовий "казаки" устраивали подобие стационарного посёлка. Один из таких посёлков, в котором жили царевичи Канай и Хаджим, видели уфимцы в 18 "днищах" от Уфы, "меж Ишима и Обаги реки (притоков Иртыша и Тобола. — *Прим. авт.*) в дуброве": "поставлены... у них избы рублены в стену кругом, да по смете... изб с полчетвертадесять (т.е. 35. — *Прим. авт.*); да у них же... обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов". При этом скот пасся на берегу реки Абаги "от их зимовья с полднища"¹⁸. Хан Кучум в 1596 г. тоже стоял "меж дву речек, одернувся телегами за Омь рекою"¹⁹. Но в последнем случае это был, скорее всего, не стационарный посёлок, а так называемый тележный городок — распространённая среди кочевников оборонительная конструкция в виде замкнутого кольца из составленных впритык повозок.

Масштабы агрессивности Кучумовичей не стоит преувеличивать. Имея под началом незначительное количество подданных и сторонников, они сами по себе представляли некоторую угрозу лишь в союзе с калмыками. Причём на опорные пункты русской власти в регионе — укреплённые города — они, как правило, не посягали. Как заметил В. В. Пестерев, об отсутствии серьёзной опасности для сибирских городов свидетельствовало повсеместное обветшание и разрушение их крепостных сооружений в XVII в.²⁰ Нападения совершались главным образом на сельские местности.

Большую часть времени царевичи предавались всё же мирным занятиям. Кочевой образ жизни предполагал занятие скотоводством, прежде всего выпасом овец. В отписках и расспросных речах проскальзывают сведения также о промысловых занятиях. Охота и рыболовство были неотъемлемой частью образа жизни и в целом "хозяйственно-культурного типа" сибирских татар, результатом их долгого соседства и частичного смешения с местными самодийцами и уграми²¹. На рацион питания "казаков" влиял хозяйственный уклад населения, с которым им доводилось соседствовать. Хлеб пытались добывать у окрестных землепашцев, отчего набеги планировались, как указывалось выше, во время или после сбора ярового и озимого урожаев ("сев яровой", "в сноп", "в жнитво")²². Иногда посылали уважаемых людей — *хафизов* — объезжать башкирские селения, прося там "одежи и кормы"²³. Видимо, это облекалось в форму ясачного сбора.

Эпизодический ясак служил дополнительным источником существования. Он состоял из натуральных выплат продуктами земледелия, скотоводства и промыслов. Правители татарских волостей отправляли в ханскую степную ставку своих посланцев с положенными выплатами ("х Кучуму

¹⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. С. 196.

¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. С. 358.

²⁰ Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве (Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. С. 69–75.

²¹ См.: Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1987. С. 48.

²² Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 209.

²³ Там же. С. 195.

с ясаком")²⁴. Татары Вузюковой деревни в окрестностях Тары ловили для хана в близлежащем озере рыбу, которую ежедневно забирали у них его посланцы²⁵. Для податей в его пользу московские приказные служители использовали также термин *выход*²⁶, идущий от эпохи ордынского "ига". При этом резонно считалось, что плательщики выхода *голдуют* хану, т.е. находятся от него в определённой (вассальной или даннической) зависимости.

Впоследствии сыновья и внуки Кучума тоже пытались организовать ясачное налогообложение в подвластных местностях, причём собирали подати как в свою пользу, так и для своих калмыцких патронов-*тайшей*.

Проживание в степях не позволяло высококордным "казакам" долго держаться всем вместе из-за скудных ресурсов этого региона. Даже в периоды лояльных взаимоотношений (а это бывало не всегда) царевичи вынуждены были кочевать отдельно друг от друга — пусть и недалеко, в нескольких "днищах", особенно в зимнюю пору, "для того, что им, живучи вместе, прокормитца нечем"²⁷.

Административная система во владениях "казачествующих" сибирских династов была чрезвычайно примитивной. Это объяснялось как незначительным объектом управления (малонаселённые степи с немногими улусниками), так и частыми перемещениями царевичей — зачастую в результате вынужденной перемены мест проживания, а не регулярного кочевания.

Поколение Кучумовых внуков, оставшихся в Сибири, представляло собой своего рода этнокультурный сплав. Будучи по происхождению татарами, они воспитывались и вырастали в калмыцких кочевых ставках, впитывая от матерей и "дядек"-воспитателей нормы жизненного уклада ойратов. Принадлежность к династическому дому Чингизидов возносила царевичей над всеми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому они не испытывали никакой рефлексии по поводу отсутствия формальной родовой солидарности ни с тюркскими кланами, ни с племенными подразделениями калмыков. Однако исторические обстоятельства складывались таким образом, что потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками²⁸. Впрочем, это не мешало им помнить о своём царственном происхождении и время от времени служить живым знаменем борьбы местных народов против российской власти.

Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооружённой борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях Южного Урала, Юго-Западной Сибири и современного

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 40.

²⁵ Там же. Л. 9 об., 10; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 358.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 35 об.

²⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. II. Стб. 282.

²⁸ Подробнее см.: *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. С. 135–137.

Северного Казахстана можно в целом охарактеризовать как прозябание в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняющихся, приходящих и уходящих временных соратников. Они не смогли бы продержаться в своём "казацьем" состоянии на протяжении нескольких десятилетий, если бы судьба не послала им партнёров и союзников. В качестве таковых эпизодически выступали ногаи, гораздо чаще — башкиры, но настоящим тылом и многолетней опорой Кучумовичей стали новые фигуранты сибирской истории XVII в. — калмыки. Именно в союзе с ними свергнутые татарские династии превратились в постоянный раздражающий военный фактор для русских властей.

Присутствие калмыков (западных монголов-ойратов) начало ощущаться в степях Юго-Западной Сибири в конце XVI в. В первые годы следующего столетия калмыцкие кочевья вплотную приблизились к районам, на которые распространялась власть тобольских, тюменских и тарских воевод. По современным подсчётам, к российским рубежам в то время прикочевало около 60 тыс. кибиток, или 240 тыс. чел.²⁹ Кучумовичи увидели в этих новых пришельцах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлением убежища в случае военных неудач. Правда, для калмыцких предводителей-тайшей связи с высокородными "казаками" стояли далеко не на первом месте. Теснимые с востока халха-монголами и единокровными ойратскими племенами, потерпев поражение в войне с казаками, они более всего желали обрести пространство для кочевания главным образом за счёт ослабленной и раздробленной Ногайской Орды.

Кучумовичи установили с тайшами родственные связи. За Кучумова сына Ишима выдал дочь предводитель ойратского племени торгутов Хо-Урлюк. Затем Ишим взял в жёны сестру Чохура и Байбагаса — владельцев князей из другого ойратского племени — хошутов. Новые родичи служили ему, в общем, надёжной опорой. Ишим жил в лагере Чохура, и тот отказывался удерживать его от набегов, Байбагас же дарил ему пленных, добытых в походах³⁰. Как докладывал в отписке на государево имя тобольский воевода в 1634–1635 гг., "Кучюмовы внучата поженились в колмаках у больших тайшей на ближнем племяни". При этом из калмыцких кочевий шли вести, что "Кучюмовым внучат[ам] колмацкие тайши людьми подмогут. А Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею и [хотят] де однолично сибирские города разорить без остатка"³¹.

Ещё одним стимулом для татарских царевичей сотрудничать с калмыками была военная сила последних, позволявшая Кучумовичам разжигаться добычей в набегах, а также напоминать окрестным народам, кто является их исконными, изначальными правителями. Часто такие "напоминания" адресовались башкирам. Ведь по убеждению Ишима, исходя

²⁹ См.: *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1993. С. 26.

³⁰ См.: Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сб. документов / Сост. Л.М. Га-тауллиной, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 105, 138, 139; Русская историческая библиотека. Т. VIII. СПб., 1884. Стб. 437.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Л. 600–601. Стб. 656.

из сказанного им посланцу из Тобольска о сибирских и уфимских волостях, "тех волостей люди его холопи"³². От имени Ишима один из тайшей требовал себе ясак с башкир Катайской волости, а иначе "вас... Ишим царевич учнет воевати, а ныне... Ишим пошел в Уфинские волости старых своих людей табынцов сыскивати"³³. Нащупывая слабые места в обороне пограничных уездов, сибирские царевичи предпринимали попытки объяснить местное население.

В отношениях с русскими Кучумовичи держались с предельной осторожностью. Резонно ощущая численный и военный перевес России, они готовы были обсуждать условия почётной капитуляции. Однако их шаги в этом направлении были крайне нерешительными и непоследовательными. Здесь играли роль и память об утраченном ханстве, и антирусский настрой их "подданных" — татар и башкир, и опасения быть обманутыми, угодить в ловушки, расставленные русской дипломатией.

Память об утраченном юрте взывала к отвоеванию прежде всего собственно сибирских местностей. В отношении их Ишим предъявлял притязания на понятных основаниях ("а татар... называл отца своего и своими природными холопи и говорил, как бы ему мочно своей вотчины достигнуть")³⁴. Здесь ещё нужно учитывать соображения мести Кучумовичей русским: "сибирские де казаки отца его Кучюма извели, братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, ему де, Ишиму, приходити за то на государевы города войною"³⁵. При этом участие в степных военных кампаниях калмыков сулило царевичам большие гарантии успеха и большие трофеи, чем в рискованных столкновениях с русскими крепостными гарнизонами. Показательно, что свои только что процитированные реваншистские замыслы Ишим сформулировал в разговоре с воинами дербетского тайши Далай-Батыра во время совместного похода на туркмен в 1624 г.

Патронат над беспокойными "казаками" приносил тайшам пользу в виде не только военного подкрепления (весьма незначительного) во время конфликтов с казахами и русскими, но и некоторого материального пополнения. Ведь смысл сманивания российских ясачных в степные стойбища состоял в увеличении плательщиков ясака в пользу как царевичей, так и тайшей. Известны случаи доставления Кучумовичами ясака к их калмыцким покровителям³⁶.

Лишь изредка, на фоне усиления мятежных настроений среди народов Западной и Южной Сибири, возникал призрачный шанс на одоление русских, изгнание их из края и возрождение "Кучумова царства". Но все восстания рано или поздно угасали, власти наводили порядок,

³² Цит. по: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 46.

³³ Русская историческая библиотека. Т. II. Стб. 446–447.

³⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 89.

³⁵ Русская историческая библиотека. Т. II. Стб. 456.

³⁶ См., напр.: Русско-монгольские отношения. 1636–1654 [Текст]: Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Наука, 1974. С. 177.

злоупотребления местных управленцев на время уменьшались, и Кучумовичи снова оказывались без сколько-нибудь заметной поддержки.

Провал всех мечтаний о реставрации Сибирского юрта и тщетные попытки противостояния постоянно усиливающемуся русскому присутствию в Сибири и на Южном Урале привели к тому, что у царевичей в конце концов опустились руки. Единственную и вынужденную опору они видели в калмыцких политических объединениях. Но внимание и интересы традиционных партнёров Кучумовичей — торгутских и части хошутских тайшей — всё более обращались в западном направлении. Громя остатки Ногайской Орды, их отряды уходили в глубокие разведывательные рейды за Эмбу и Яик (есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей). В течение 1630–1650-х гг. основная масса калмыков постепенно переместилась из сибирских пределов и с территории современного Казахстана на Волгу. Там образовалось вассальное Калмыцкое ханство, подчинённое Московскому государству. Откочевал на юго-запад и давний надёжный союзник Кучумовичей — Хо-Урлюк с соплеменниками.

После утраты Искера Кучум предпринимал неоднократные попытки обрести поддержку среди бывших подданных, вассалов и соседей. В целом все они не проявили ответного энтузиазма. Солидарность разных народов и племён, даже под знаменем борьбы с новыми пришлыми властителями края, едва ли была достижима. Конечно, здесь сказывались этнокультурные различия, какие-то застарелые обиды, межплеменные распри. Иногда провал объединительных попыток Кучума объясняют его не вполне легитимным ханским статусом ("узурпатор") или чрезмерной авторитарностью его правления до 1582 г. Наверное, все эти факторы, неоднократно проанализированные в историографии, действительно имели значение.

Но думаю, что была ещё одна причина, по которой Кучуму не удалось сплотить вокруг себя сибирских аборигенов. Это фатальная потеря им трона и, соответственно, утрата необходимого атрибута всякого государства, а именно явления, которое у средневековых тюрков обозначалось персидским выражением *фарр-и надишахи*, или "царственный фарр". Его можно истолковать как божественное благоволение, небесное избрничество, харизма правителя³⁷. Утрата правителем "царственного фарра" означала прекращение его поддержки высшими силами, отсутствие их покровительства. Помогать ему в такой ситуации означало бы вступить в противоречие с волей потусторонних вершителей земных судеб, которые разочаровались в своём былом избраннике.

Позднейшее осознание обречённости юрта сибирскими татарами иллюстрируется следующим феноменом их общественного сознания. После завоевания ханства среди суевренных татар получили хождение рассказы о зловещих приметах, якобы предвещавших этот катаклизм накануне прихода Ермака (окрашивание вод Иртыша в цвет крови и т.п.).

³⁷ См. исследования этого феномена у средневековых кочевников: *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013 (в основном на монгольском материале); *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ-Москва, 2006. С. 56–65.

Эти приметы упомянуты в Ремезовской летописи и красочно описаны у Карамзина³⁸. Очевидно, ещё и поэтому свергнутый хан нигде не смог найти широкой поддержки.

Похожее отношение испытывали и к потомкам Кучума — всё менее успешным и жалким в своём скудном прозябании и зависимости от калмыцких покровителей. Многие коренные жители региона считали за лучшее переселиться целыми родами в дальние края, чем подчиняться новым властителям Сибири или помогать старым. На основании известных мне материалов я не могу поддержать мнение о "популярности Кучумовичей среди тюркского населения Сибири, позволявшей им поднимать здесь восстания вплоть до начала XVIII в." — популярности, проистекавшей якобы из их исконной легитимности: "Кучумовичи являлись единственно законными наследниками улуса Шейбани в Сибирском царстве"³⁹. Мне представляется крайне сомнительным, чтобы телеуты, вогулы, селькупы, башкиры и пр. объединялись с татарскими царевичами на основании династических прав последних на забытый к тому времени улус Шибана. Царевичи-"казаки" никогда не обладали достаточными авторитетом, военными силами и материальными ресурсами для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массовых движений. Как правило, они присоединялись к восстаниям, начавшимся без их участия, и иногда довольствовались почётным рангом номинальных лидеров повстанцев (телеутов и чатов в 1620–1630-х гг., башкир в 1660-х гг.).

Свидетельством предопределённой безуспешности их борьбы и отсутствия широкой солидарности с ними служит такой очевидный факт, как молчание о них в устном творчестве и письменных родословиях тюркских народов Сибири. Там есть рассказы или упоминания о Кучуме (у тоболо-иртышских барабинских татар был даже сложен эпос-дастан "Кучумхан"), некоторых его жёнах, о многочисленных мусульманских проповедниках XV–XVI вв., но не находится места для Кучумовых сыновей и внуков. Столетие их интриг и сражений прошло практически бесследно для исторической памяти коренных жителей края.

Существенным препятствием для исторических перспектив Кучумовичей оказалось ещё и отсутствие у них внятной альтернативы российскому правлению в Сибири. Пусть это правление облакалось в жёсткий режим воеводской администрации, временами проявлялось в лихоимстве и произволе местных властей, оборачивалось непосильным налогообложением, но коренное население, кажется, не испытывало ностальгии по временам татарской гегемонии. Местные предания о Кучуме излагают легендарные подробности его правления, однако та эпоха вовсе не изображается как "золотой век", который закончился с приходом русских "конкистадоров". В историческом фольклоре северных народов грабительские набеги татар выглядят ничуть не более привлекательными по

³⁸ См.: Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. IX. СПб., 1821. Примечания. С. 254 (отд. паг.).

³⁹ Пузанов В.Д. Сибирское царство в геополитических представлениях тюркского мира // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" / Ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 221. Под Шейбани цитируемый автор подразумевает Шибана — жившего в XIII в. монгольского улусного правителя.

сравнению с правлением наместников "белого царя". "Раньше ведь, рассказывают, хантов татары ловили, а татар опять русские гоняли", — повествует предание коми об их зауральских соседях⁴⁰.

Отсутствие массового и долговременного протеста татар и других народов бывшего Сибирского ханства против присоединения к России объясняется не только смирением перед явным превосходством русских в военном деле и (впоследствии) в численности. В историографии неоднократно отмечалось толерантное отношение русских к коренным народам Сибири. Пренебрежение, высокомерие не были присущи основной массе славянского населения края. Мирное соседство обеспечивали многоукладность хозяйства пришельцев, охранительная политика правительства по отношению к ясачным, отсутствие социального барьера между последними и крестьянским большинством переселенцев. Межэтнические контакты легче устанавливались в отдалённых местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с аборигенами.

Кроме того, при утверждении российского подданства власть использовала традиционные для практики Московского государства и в то же время знакомые многим сибирским народам приёмы и средства управления. Да и сам процесс присоединения территорий сочетал насильственные и мирные методы. Если была возможность убедить (а не заставить) местное население принять российское подданство, русская сторона использовала обширный арсенал стимулов и льгот. Такая тактика по отношению к сибирским "иноверцам" сохранилась, в частности, в исторической памяти татар Омской области (бывшего Тарского уезда, последнего пристанища Кучума), правда своеобразно, с привнесением современных реалий: "Во время войны с Кучумом царь выпускал листовки, в которых призывал татар переходить к нему"⁴¹.

Нельзя сказать, что движение Кучумовичей ограничивалось локальными рамками и не имело заметных последствий для российской истории. Дело в том, что их упорная борьба повлияла, в частности, на ход продвижения России за Урал. После завоевания Сибирского ханства русские стали селиться в Западной Сибири. В первые два десятилетия после Ермака там было основано полтора десятка опорных пунктов. К военным, политико-дипломатическим и фискальным функциям поселенцев (присоединение и оборона новых "землиц", сбор ясака) добавились экономические. В местах, где земледелие было невозможно, новые городки (Березов, Сургут, Нарым) жили рыбным и пушным промыслом. Но в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы. Поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны началось постепенное "сползание" населения к югу, на более плодородные земли

⁴⁰ Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 19.

⁴¹ Предание татар дер. Берняжки на берегу Иртыша (Омская область). Цит. по: *Бережнова М.Л., Корусенко С.Н.* Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Пригарье по документам и устным свидетельствам // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер. История, филология. Т. 5. Вып. 3 (Приложение 1). Новосибирск, 2006. С. 109.

по рекам Тоболу, Исети, Миассу, Вагаю и Ишиму⁴². Однако конфликты с сибирским ханом и царевичами, наряду с набегами ногаев и калмыков, приостановили это продвижение в степь. В результате русло освоения обратилось в восточном направлении, к Енисею — туда, где местные племена были более слабыми и разрозненными.

Ключевые слова: *Сибирское ханство — освоение Сибири — Российское государство — титул — казаки.*

Keywords: *Khanate of Sibir — the conquest of Siberia — the Russian state — title — the Cossacks.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. 674 с.
2. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1993. 381 с.
3. *Бережнова М.Л., Корусенко С.Н.* Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притартаре по документам и устным свидетельствам // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер. История, филология. Т. 5. Вып. 3 (Приложение 1). Новосибирск, 2006. С. 108–116.
4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского Т. IX. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. 300 с.; т. XI. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. 157 с.
5. Книга, глаголемая Летописец Фёдора Никитича Норматского // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. С. 1–148 (отд. паг.).
6. Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 176 с.
7. *Лавреитъев А.В.* Царевич–царь–цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 240 с.
8. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.
9. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. 630 с.
10. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. 796 с.
11. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. III. 598 с.
12. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2. СПб.: Скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. 465 с.
13. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Документы по сношениям Московского государства с Польско-Литовским за 1598–1613 гг., хранящиеся в Посольском приказе / Под ред. Г.Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1912. 949 с.
14. *Пестерев В.В.* Организация населения в колонизируемом пространстве (Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.

⁴² См.: Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 29.

15. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. 384 с.
16. *Пузанов В.Д.* Сибирское царство в геополитических представлениях тюркского мира // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" / Ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 218–221.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
18. Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. Т. II. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 657 с.; т. VIII., СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1884. 700 с.
19. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. 725 с.
20. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сб. документов / Сост. Л.М. Гаутаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 552 с.
21. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 [Текст]: Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Наука, 1974. 470 с.
22. Сборник летописей. Казань: Тип. губ. правления, 1854. 194 с. (Библиотека восточных историков, изд. И.Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1).
23. *Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А., Белич И.В.* Культ святых в исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
24. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.
25. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ-Москва, 2006. 446 с.
26. *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1987. 80 с.
27. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
28. *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.
29. *Aboul-Ghazi Behadour Khan.* Histoire des mogols et des tatares. Т. 1. Texte. St.-Petersbourg: Academie Impériale des sciences, 1871. 390 p.